

Муронг Ли увидел, что Чэн Шуэ была там целую вечность, подумав, что ее преследовали те люди и она была напугана, он поспешно взял ее за руку с беспокойством: «Сестра, это относительно близко к храму Хуашань. Я слышал, что мастер храма Хуашань Найдэ Дао — мастер, давайте помолимся о благословении и воскурении благовоний, кстати, попросим мастера подсчитать триграмму для моей сестры, как насчет этого?»

Она непроизвольно кивнула. Муронг Юй подумал, что она согласилась просто так, и радостно сказал: «Сестра, тогда пойдем сейчас? Папа все еще ждет нас дома! Пойдем, сестра, сначала переоденемся».

...

«Дан, дан» — мелодичный колокол прозвенел неподалеку, и оранжевый снег, только что сошедший с кареты, успокоил свой разум, эй-этот храм находится на вершине горы. Как только она достигла подножия горы, Чэн Шуэ была устрешена. Осмотревшись, она увидела, что очень мало людей приходило жечь благовония.

Муронг Юй уныло шел рядом с ней.

Оранжевый снег подумал про себя, что, возможно, из-за удаленности и блеска, она казалась немного тихой и мирной, не так ли?

Не знаю, какое у меня настроение, поднимаюсь по лестнице, все тихо, мои мысли уплывают.

Этот глубокий и тихий покой, несомненно, является величайшим наслаждением для возрожденного Оранжевого Снега.

Оранжевый Снег думал, как она проведет свои дни? Для такой, как она, странно оказаться здесь. Возможно ли вернуться? Друзья, как вы сейчас?

Может быть, сегодняшний новобранец Дан, Оранжевый Снег, уже избежал страданий в море и попал в следующее непровоцированное перевоплощение в этот головокружительный и недостижимый мир?

Она пряный рекрут, но она понимает только свою печаль.

Наконец поднялась на вершину горы и вошла в храм. Помолившись Будде, Муронг Юй увещевал: «Добрая сестра, я так родилась и остаюсь здесь, я найду мастера и скоро приду!»

Она слегка кивнула, ее голод, ее слабость, казалось, Муронг Юй этого не заметил.

Она медленно шла, следуя за различными статуями Будды, и, сама не зная того, вышла из главного зала храма Хуашань.

Неизвестно, куда идти, цветы летают по всему небу, опавшие цветы разноцветные, а цветы, кажется, самые одинокие. Гроздь густой вишни цвели буйно, лепестки накладывались друг на друга, со слегка морщинами, падая на землю.

Вишня цветет семь дней, самое прекрасное тепло после суровой зимы.

Чэн Шуэ не обратила внимания на окно в дальней башне. Молодой человек стоял с веером, его брови были острыми, его голова была слегка опущена, и его веки были полузакрыты, только чтобы видеть, как длинные ресницы, покрывающие холодное и снежное лицо, отбрасывают

тонкую тень, излучающую благородный и неприкосновенный темперамент.

Он стоял там одиноко и непостоянно, глядя на спину странной женщины, которая внезапно ворвалась в «Страну Чудес».

Кто она? Невольно нахмурившись, он холодно посмотрел.

Простое и потертое платье, надменная и убедительная форма, такая жалкая, есть еще и досуг наслаждаться цветами?

auzw.com

Цветы вишни дико танцевали, она медленно протянула руку, поймала парящие лепестки, поднесла к губам, нежно открыла рот, мягкие лепестки губ сомкнулись, и наступила долгая тишина.

Хотя это была весна, ее тонкая одежда делала ее более одинокой, упрямой в одиночестве.

Кажется, она не заметила, что ее вышитые туфли порваны, а одежда тонкая, она все еще пьяна от красоты под вишневым деревом.

Цветок увял, оставив ее лишенной грации и безупречной.

Внезапно он закрыл веер, слегка подпрыгнул и упал перед ней.

Она почувствовала только дуновение ветра, и человек в белом пришел тихо. У него красивое лицо, благородная внешность, холодный темперамент и по-детски злые и легкомысленные.

Он молча улыбнулся.

Взгляд на нее, когда он подходит ближе, он поднимает брови, разве она не та женщина, которую он только что спас? По сравнению с первой встречей, она вдруг почувствовала себя иначе. Ее благородство и чистота были еще хуже, чем вишневое небо. Тело и кости ровные, белые и стройные, брови похожи на красоту дальних гор, а губы — на вишневый цвет в течение семи дней. Видя, как она почти упала на пределе выносливости, след одиночества и красоты скользнул по ее глазам, и ее сердце дрогнуло.

Но он намеренно притворился, что не знает ее: "Какое должно быть преступление за вторжение в страну фей без позволения хозяина?" Голос молодого человека был спокоен, как вода, хотя это был упрек, в нем не было ни намека на легкомыслие.

Она опустила брови и уставилась на надвигающиеся вишневые цветы: "Раз уж это страна фей, то существует и конфуцианская оценка, или это не lang fee[1]?" Кажется, она не узнала в нем стоявшего перед ней человека, это был тот самый вуалированный мужчина!

Он приподнял брови-меча. В настоящее время нет женщины, которая называла бы себя "конфуцианским ученым", но человек перед ним был первым. Она вдруг почувствовала, что ее переполняют эмоции, и внезапно закричала: "Шутка!"

Просто этот резкий крик заставил меня почувствовать, что этот "конфуцианский ученый" относится к нему самому, но он почувствовал, что это ее беспокоит.

Она перестала говорить.

И он подходил шаг за шагом.

Она подняла глаза, он кивнул, его белая одежда побеждает снег без всякого загрязнения, а она совершенно уныла после того, как она исчезла. С тех пор эти двое оказались крепко связаны, обреченные на этот печальный конец в этой жизни...

Как говорится, нет конца без начала.

Если бы он случайно не отлынивал от выпивки, чтобы раньше уйти из-за стола и прийти сюда...

Если бы ему тогда не было любопытно насчет нее...

Вдруг...

Все еще ли он решит войти в ее расплывчатый мир вишневого цвета и никогда не выйдет из него навсегда?

<http://tl.rulate.ru/book/14725/3971779>